

АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ

© 2015 г. Н.А. Макаров, Л.А. Беляев, А.В. Энговатова

*Институт археологии РАН, Москва
(nmakarov10@yandex.ru, labeliaev@bk.ru, engov@mail.ru)*

Статья написана по тексту пленарного доклада, сделанного на IV Всероссийском археологическом съезде в г. Казань. Она содержит анализ состояния археологических исследований в России за последние годы, включая взаимодействие фундаментальной науки и охранных работ. Характеризуются также новые достижения в области законодательства об охране культурного наследия, позволяющие усилить борьбу с незаконными раскопками и торговлей древностями. Обсуждается проблема запроса общества на участие в изучении археологического наследия, неизбежность многогранности контактов археологии с областью современной культуры. Формулируется задача археологического изучения территории современной России как региона, наделенного устойчивым географическим своеобразием.

Ключевые слова: археология России, динамика полевых исследований, проблемы коммерциализации, право на прошлое, археология и общество.

Археологический съезд¹ невозможен без размышлений и дискуссий об общем состоянии археологической науки и сферы охраны археологического наследия; о месте археологии в современном обществе и культуре; о том, как меняется организация археологической деятельности и практическая работа археологов; как развиваются общие идеи, питающие интерес к древности. Разговоры на эту тему идут на всех серьезных археологических форумах, в разных аудиториях и форматах. Доклад был составлен как вступление к дискуссиям на IV Всероссийском археологическом съезде и, возможно, послужит основой для обсуждения программы работы археологов России в период до V съезда. В нем представлены некоторые данные о динамике полевых работ; об изменениях в правовой базе; о крупных археологических проектах Института археологии, имеющих общественный резонанс. А кроме того, наш общий взгляд на появление новых вызовов и новых запросов к археологии и со стороны науки, и, что по-своему не менее важно, со стороны общества.

Интерес человека к материальным памятникам прошлого – фундаментальное явление нашего сознания, духовной культуры. В разные эпохи он,

конечно, приобретает разные формы. Сегодня именно археология обеспечивает *научное видение* большей части истории человечества. Но, одновременно, археологическое наследие присутствует в современной жизни как *часть культурной среды, источник формирования коллективной памяти*, образов прошлого, строгой научной основы часто не имеющих. Кроме того, археологические полевые работы стали *составляющей* разнообразных *строительных проектов*. Отсюда изменения в статусе и самой структуре археологических исследований. В России на положении этой классической гуманитарной науки отражается общее (зачастую достаточно парадоксальное) отношение к гуманитарному знанию. С одной стороны, реальностью стали высокие требования к доказательности научных построений и взыскательный запрос общества на обновленное современное научное знание о прошлом. С другой – очевидна недооценка значимости историко-филологических наук технократами, стремление оптимизировать сферу классической гуманитарной науки (т.е. сократить ее бюджет под предлогом избыточности и неактуальности), навязать обществу представление о том, что гуманитарные исследования должно вести лишь по тем направлениям и в том объеме, в котором их продукты востребованы. В этой ситуации археология, с одной стороны, расширяет свое пространство, растет объем раскопок, публикаций, количество представленных на учет археологических памятников;

¹ Публикуется текст доклада, прочитанного на пленарном заседании IV (XX) ВАС (Казань, 2014) в качестве программного, переработанный для печати с сохранением основных положений.

с другой – испытывает жесткое давление и теряет влияние.

Современная российская археология выросла из советской, опираясь на сеть сложившихся научных учреждений, развивая организационные принципы и научные школы советского времени. Советская археология, получившая высокий статус в иерархии гуманитарных наук и завоевавшая общественное признание, оставалась для нас примером размаха исследований и хорошей организации археологической деятельности. На протяжении последних 20 лет мы невольно сопоставляли современное состояние археологии с советской эпохой. Уместно вновь поставить вопрос о том, как развивалась археология в два последних десятилетия, и показать, какие в ней произошли принципиальные изменения, на основе статистических выкладок (на основании данных Минкультуры России и ОПИ).

Объекты археологического наследия составляют значительную часть культурного наследия Российской Федерации. На территории страны зарегистрированы более 146 тыс. объектов культурного наследия. Почти 40% (около 58 тыс.) из них представлены объектами археологического наследия (учтенными как памятники и достопримечатель-

ные места). В некоторых субъектах Российской Федерации более 80% объектов культурного наследия относятся к археологии (Республика Хакасия, Ханты-Мансийский АО (Югра), Республика Тыва, Республика Алтай, Ростовская обл. и др.). Однако есть регионы, где число археологических объектов, учтенных как объекты культурного наследия, незначительно. Кроме объектов, получивших статус памятника или достопримечательного места, на учете региональных органов охраны состоят еще более 75 тыс. выявленных объектов археологического наследия. Таким образом, общее количество учтенных на территории страны археологических объектов составляет более 133 тыс. (рис. 1).

Диспропорция в региональном распределении археологических объектов определяется в значительной степени неравномерной археологической изученностью территории России и разными темпами постановки их на государственный учет и включения в реестр. На современном этапе накопления археологических материалов эти данные не отражают особенностей исторического расселения и освоения отдельных территорий. Неравномерность объемов археологических исследований в различных регионах России определяется разными

Рис. 1. Общее количество объектов археологического наследия, учтенных органами охраны памятников (выявленных и включенных в реестр) по регионам по состоянию на 2012 г. Условные обозначения: а – 5000–13 320; б – 2000–5000; в – 1000–2000; г – 500–1000; д – 100–480; е – 1–104; ж – г. Москва – 310; з – г. Санкт-Петербург – 15; и – Смоленская обл. – 1776. Данные предоставлены Минкультуры России.

Рис. 2. Количество выданных разрешений (открытых листов) на проведение археологических работ (по регионам) в 2012 г. Условные обозначения: а – 91–120; б – 31–90; в – более 20; г – более 10; д – до 10; е – 0; ж – г. Москва – 11; з – г. Санкт-Петербург – 19.

факторами, в том числе наличием научных центров и квалифицированных кадров, степенью географической доступности и др. Существенную роль играет уровень активности и профессионализма региональных органов охраны объектов культурного наследия в их деятельности по охране объектов археологического наследия. Статистические данные позволяют выделить “области-лидеры” с успешно работающими органами охраны объектов культурного наследия, где хорошо поставлен учет объектов археологического наследия (выявленных или стоящих в реестре разных уровней) и стабильно велико количество проводимых спасательных археологических полевых работ (рис. 2).

Какие же выводы мы можем сделать об изменениях, произошедших в сфере археологических исследований, на основании данных статистики?

Во-первых, изменился общий объем археологических работ. Если судить по количеству разрешений (открытых листов), он вырос почти в два раза в сравнении с концом советского времени (1990 г.) и почти в три, если сравнивать с 1994 г., когда объемы работ упали до минимума (621 открытый лист). В 2013 г. было выдано 1723 открытых листа, а в 2014 – уже 1845 (рис. 3). Кривая выдачи разрешений (открытых листов) рисует зависимость

археологии от состояния экономики, реагируя с определенным запозданием на один-два года на ее кризисы (начало 1990-х, 1997 и 2010 годы) падением, но в целом показывает устойчивый рост. Общее количество научных отчетов о раскопках и разведках, собранных в архиве Института археологии РАН за 23 года после распада СССР, – около 14 500 (14 400), т.е. чуть больше, чем их было получено за предшествующие послевоенные 47 лет (1945–1991 гг.: около 14 100). Видимо, рост двух последних лет отражает не столько фактическое увеличение объемов работ, сколько более строгое исполнение законодательства после принятия нового закона, когда даже небольшое строительство во многих регионах предваряют археологические исследования, на которые запрашиваются разрешения (открытые листы). В любом случае, это позитивное явление.

Во-вторых, за два последних десятилетия выросли требования к обеспечению сохранности археологического наследия (приняты Федеральные законы №73-ФЗ и 245-ФЗ). Благодаря спасательным раскопкам сохранен огромный массив информации о разнообразных археологических объектах, оказавшихся в зонах строительства, – от палеолитических стоянок до монастырей Московской Руси,

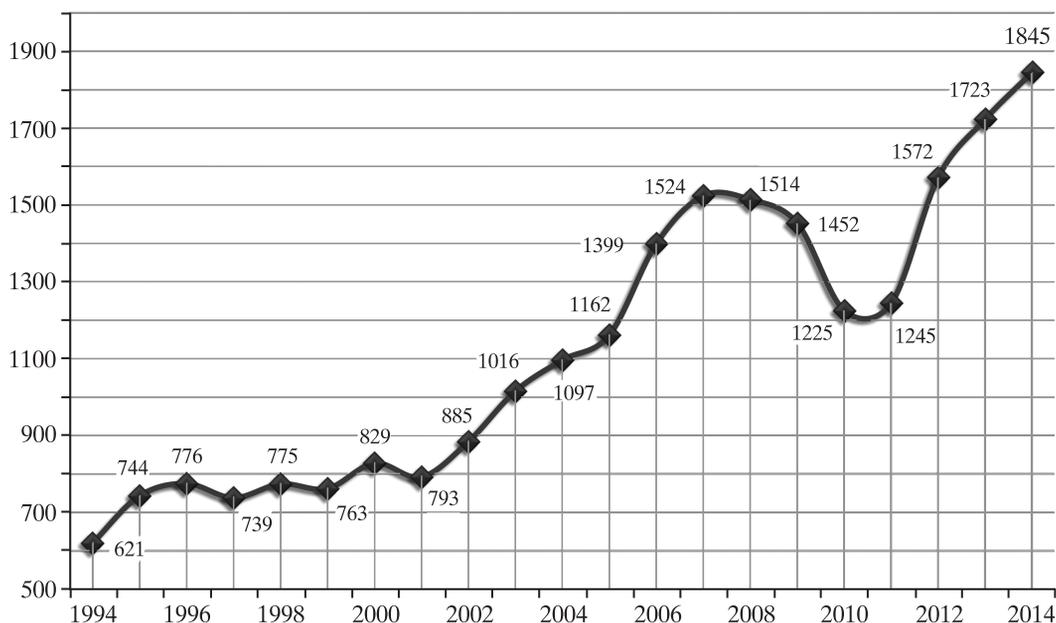

Рис. 3. Общее количество разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия за 1994–2014 гг.

исторических поселений и некрополей Нового времени. Заметно расширился сам круг объектов, на которых проводят охранные раскопки. Стало нормой изучение тех категорий памятников, которые в 1980-х годах даже в зонах строительства почти никогда не изучались раскопками (участки культурного слоя XVI–XVIII вв. в городах и на селищах; рядовые поселения эпохи бронзы, железного века и античности на юге России; сильно разрушенные курганные могильники и др.). Увеличение масштабов спасательных раскопок – ответ на мощное вторжение современного строительства в исторические ландшафты, приводящее к радикальному преобразованию природно-исторической среды, частью которой являются археологические объекты. Стоит напомнить, что в советское время вопрос о сохранении многих памятников, на которых ныне ведут спасательные раскопки, вообще не ставился. Так, при создании крупнейших водохранилищ на Волге раскопки провели далеко не на всех памятниках и, несмотря на работу больших новостроечных экспедиций, мы не знаем даже, сколько и каких объектов ушло под воду из-за не полно проведенных археологических разведок.

В-третьих, существенно повысилось качество полевой археологической документации. И не столько благодаря появлению новых технических средств фиксации и документирования древностей, сколько в результате общих установок археологического цеха, осознания необходимости более точного и подробного отражения исследуемых объек-

тов в отчетах. Разумеется, далеко не все отчеты о полевых исследованиях, составленные в последнее десятилетие, отличаются высоким качеством, но в целом этот вид научных источников-документов ориентирован на новые стандарты, заданные в конце 1990 – начале 2000-х годов. Сравнение отчетной документации 1980-х годов и отчетов последних лет показывает, что последние передают характер исследованных археологических объектов значительно полнее.

Несомненным плюсом является то, что в настоящее время в Российской Федерации сложилась система спасательной археологии, тесно интегрированная с наукой. В XXI в., даже с приходом рыночных отношений, значение академических институтов по-прежнему остается стабильно высоким. На графике объемов спасательных работ последних лет можно увидеть, что выполняемые ими работы составляют около четверти от всех исследований, о чем уже писалось одним из авторов (Энговатова, 2012. С. 141–150). Выработанная поколениями археологов общая система научной регламентации (получение разрешения (открытого листа) на проведение археологических исследований; проведение исследований по единым для всех методикам и обязательная отчетность), действующая на территории всей страны, поддерживает единые методы исследования объектов археологического наследия, сохраняет методику полевой фиксации и форму научного отчета.

Эти нормы действуют также и в отношении спасательной археологии. Очень важно, что каких-либо специальных, облегченных методик для спасательных раскопок не существует.

Человечество обычно нелестно отзываясь о сегодняшнем дне, предпочитая вспоминать золотой век прошлого или красить будущее в радужные тона. Однако как бы критически мы ни относились к новейшему периоду в истории археологии, нельзя не видеть существенных позитивных перемен в состоянии археологической деятельности за последние годы. Достаточно назвать такие крупные, неожиданные по богатству полевых результатов, новаторских подходов к методике и научных выводов проекты Института археологии РАН, как исследование храма XII в. в Смоленске и десятки введенных в научный оборот объектов Нового Иерусалима, древности Подболотьевского могильника и открытия эпохи бронзы на трассе «Южного потока». Тем более казавшееся невозможным всего десятилетие назад системное исследование урбанистического развития городов Пруссии (на примере Калининграда), углубленное изучение исторических погребений XIX – начала XX в. (в Москве: Н.В. Гоголь, Никифор Феотокис; в Троице-Сергиевом монастыре: кладбище преподавателей Духовной Академии; в русской провинции: погребение А.Н. Ермолова) и даже полей сражения Первой мировой войны (Каушен, 1914 г.). Все это, несомненно, серьезные изменения в масштабах археологических работ и хронологическом охвате памятников.

Среди негативных моментов в состоянии российской археологии новейшего времени следует отметить, прежде всего, ее коммерциализацию. В какой-то мере она неизбежна в условиях рыночной экономики. Но формы ее подчас абсурдны и уродливы. Появление в России многочисленных частных коммерческих организаций, специализирующихся на производстве археологических полевых работ, создало иллюзию, что таким образом государство может упростить и ускорить организацию охранных исследований, а археология обеспечить свое профессиональное будущее, однако результаты – противоположные. Даже квалифицированные археологи в частных археологических структурах редко имеют возможности для профессиональной самореализации и научного роста, многие организации, в уставе которых записана «археологическая деятельность», вовсе не имеют в своем штате специалистов. Разумеется, это отражается на качестве спасательных работ. Между тем, за последние годы доля небюджетных организаций среди исполнителей полевых исследований составила около 40%. Очевидно, что в целом трансформация археологи-

ческой отрасли в сеть коммерческих организаций лишает перспектив как археологическую науку, так и дело сохранения археологического наследия. Одним из наиболее деструктивных явлений была организация археологических исследований на конкурсной основе, когда главным критерием для определения победителя являлась цена (сейчас положение отчасти исправляется). Ссылки на опыт западноевропейской археологии в данном случае не могут быть приняты: в большинстве западных стран, где в сфере охранной археологии присутствуют частные компании, инфраструктуру археологической отрасли образуют государственные учреждения, музеи и университеты, сеть которых на Западе, как и на Востоке (в Китае, Японии и Корее), гораздо плотнее, чем в России.

Не менее очевидно, что в России сокращается доля полевых работ, которые преследуют чисто научные цели и выполняются как фундаментальные исследовательские проекты. За последние годы она составляет всего около 20% в общей массе. Основные источники для выполнения подобных проектов – гранты РГНФ и РФФИ, а также местное финансирование из регионального бюджета в некоторых регионах (например, Татарстан, Краснодарский край и др.). Мы согласны, что идея преимущественного и первостепенного исследования тех объектов, которые могут быть утрачены в результате строительства, – один из императивов, определяющих стратегию полевых археологических работ во всем мире. Тем не менее нельзя забывать, что крупные долговременные исследовательские полевые проекты всегда были основным мотором развития археологии. А сегодня их число в нашей стране близко к критическому минимуму.

При этом за последнее десятилетие Россия вплотную приблизилась к уровню европейских стран по количеству проводимых спасательных археологических работ (в процентном соотношении среди всех археологических исследований).

Следует отметить, что большинство бывших социалистических стран за последние 20 лет прошли тот же путь, что и Россия. Так, в Румынии доля проводимых по научным программам археологических исследований уменьшилась: если в 2000 г. она составляла более 90% от всех работ, то в последние пять лет – не более 20 (рис. 4, 1). В России этот процесс начался раньше, но был более растянут во времени. В 1984 г. в нашей стране из бюджета финансировались 70% всех проводимых археологических исследований, а в 2009 – всего 26 (рис. 4, 2). Такая тенденция связана, с одной стороны, с сокращением государственного финансирования фундаментальных гуманитарных исследований,

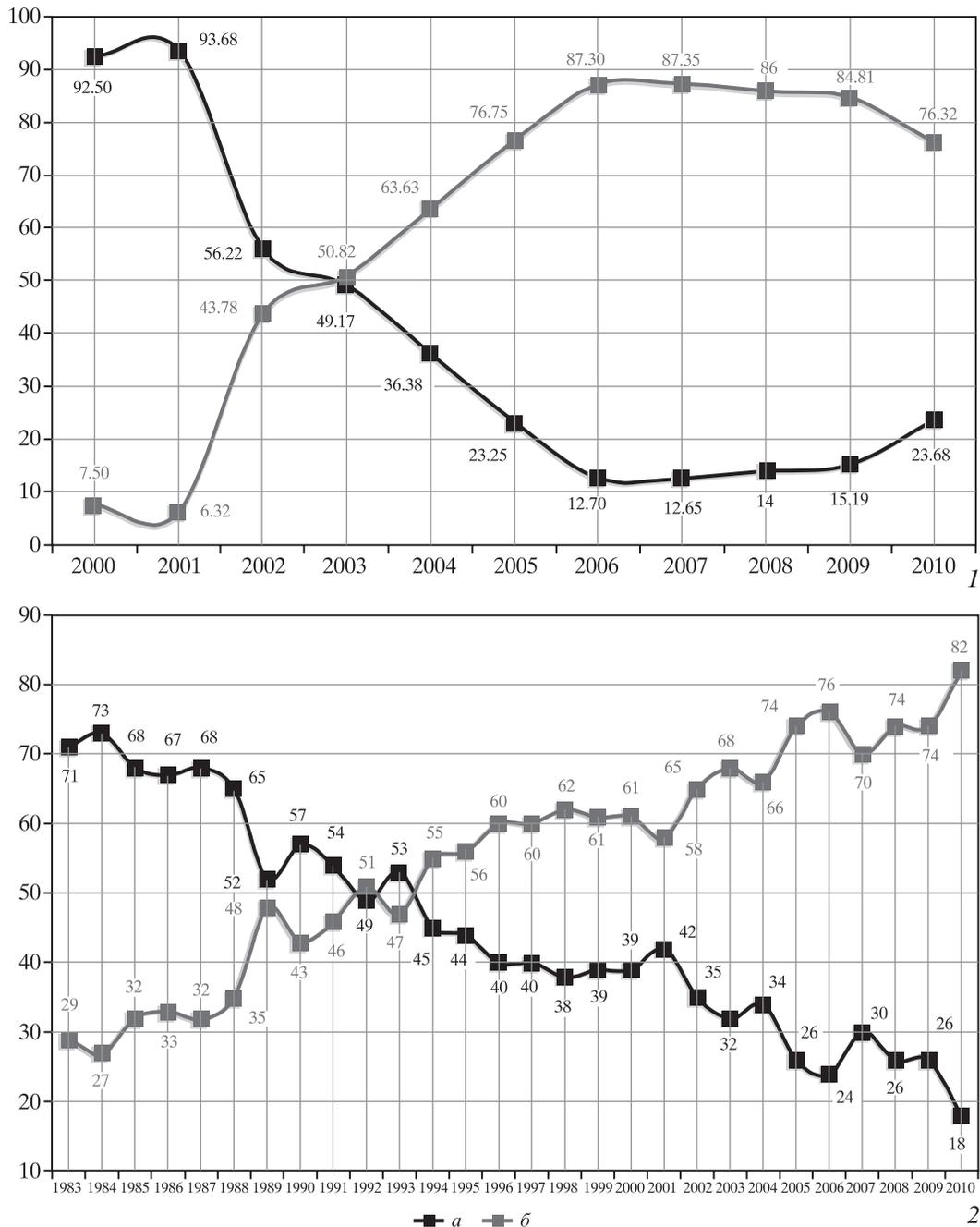

Рис. 4. Динамика доли спасательных исследований в общем количестве археологических работ (%): 1 – в Румынии 2000–2010 гг.; 2 – в России 1983–2010 гг. Условные обозначения: а – археологические работы по научным программам; б – спасательные археологические полевые работы.

а с другой – с ростом в последнее десятилетие объемов строительства и, как следствие, увеличением числа сопутствующих ему археологических проектов.

Среди острейших проблем археологической отрасли – отсутствие в большинстве регионов музейных хранилищ для археологических материалов. Музеи не готовы принять на хранение в полном

объеме огромные коллекции, собранные в 1990–2000-е годы, в особенности массовые материалы. Это значит, что мы не можем обеспечить дальнейшую жизнь огромному массиву древностей, полученных ценой больших усилий археологов и больших финансовых затрат. Решение должно быть найдено. В противном случае потеряет смысл современный подход к сохранению археологического

наследия, рассматривающий охраняемые раскопки как способ сбережения древностей и сохранения их информационного потенциала.

Нужно признать, что в современной организации археологической отрасли по-прежнему отсутствуют ресурсы и механизмы для полноценного научного освоения громадных материалов, полученных в результате раскопок на новостройках. Эта проблема досталась нам от советского времени, но приобрела новые масштабы и только разрастается. Если мы не создадим специальных механизмов запуска научной обработки и введения в оборот полевых материалов, их информационный потенциал не будет в полной мере использован.

Важнейшее событие археологической жизни между Новгородским и Казанским съездами – принятие 245 Федерального Закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии” (подписан Президентом РФ 2 июля 2013 г.). Впервые в истории правового регулирования охраны наследия и научных исследований в России принят закон, в названии которого присутствует слово “археология”; закон, специально регламентирующий сохранение и исследование объектов археологического наследия. Его принятие – результат совместной деятельности целого ряда ведомств и учреждений, государственных и общественных организаций. Прежде всего – Минкультуры России, которое внесло его в Государственную Думу. Но в не меньшей степени это результат активной позиции археологов и органов охраны объектов культурного наследия в регионах, результат наших настойчивых обращений в законодательные органы и в Правительство РФ. Очевидно, мы не зря включали их в решения всех трех прошедших съездов начиная с Новосибирского.

Стоит напомнить, что принятие закона шло при сильнейшем противодействии грабительского цеха, развернувшего мощную кампанию дискредитации нашей науки в средствах массовой информации, включая Интернет.

Закон обозначил однозначную установку государства на защиту археологических древностей как части нашего культурного наследия. Он меняет общий климат в сфере сохранения археологического наследия. Важно, что в нем впервые сформулированы нормы, которые могут быть реально использованы для пресечения нелегальных раскопок: установлена ответственность за извлечение археологических предметов из мест их залегания. Разумеется, принятие 245-ФЗ само по себе не может остановить грабительство. Закон должен применяться на практике, так что сейчас многое зависит

от действий органов МВД и органов охраны объектов культурного наследия в регионах, от их воли и профессионализма.

К сожалению, объемы продажи металлодетекторов остаются пока на высоком уровне, а копатели, хотя и с опаской, совершают набеги на археологические памятники. Но определенные изменения произошли – археологические предметы исчезли с прилавков антикварных магазинов, возбужден ряд резонансных уголовных дел по фактам незаконных раскопок.

Но значение 245-ФЗ не исчерпывается его “антиграбительской” направленностью. Его необходимо расценивать как новую декларацию прав археологической науки. Это первый правовой акт, в котором указано, что археологические раскопки проводятся только на научной основе и что в нашей стране предусмотрен научный контроль за всем процессом ведения археологических полевых работ. Закрепление этих позиций, столь очевидных для археологов, в российском законодательстве исключительно важно, поскольку право ученых регламентировать деятельность в этой сфере часто оспаривалось технократами, рассматривающими археологические раскопки на памятниках как часть производственного цикла.

Меняется и место археологии в системе гуманитарного знания. Последние годы стали временем нового позиционирования гуманитарных наук. В современном мире, в условиях определенного кризиса доверия к науке, археологии требуется вновь обосновать свое место в системе научного знания и доказать, что она нужна обществу. В России это имеет свои особенности. Здесь археология отвечает за создание и постоянное обновление научной картины развития человеческих обществ на территории гигантской страны и в огромном хронологическом диапазоне. На ней лежит большая ответственность: раскрыть историческое место наших древних и средневековых культур в мировой истории, ввести их в планетарные географические рамки. Однако при этом российская археология достаточно скромно заявляет о себе в общем пространстве гуманитарной науки и образования. Ее фундаментальные достижения последних десятилетий не до конца осознаются обществом и слишком медленно входят в обобщающие исторические труды. Они быстро забываются, смываются новостными потоками, от археологии ждут все больше и больше сиюминутных сенсаций для телевизионных каналов и все меньше – глубинного осознания исторических процессов. Звучит странно, но Россия – одна из немногих развитых стран, где в перечне направлений высшего профессионального

образования специальность “археология” просто отсутствует.

В школьных учебниках по отечественной истории археологический материал древнего и средневекового периодов до последнего времени был представлен крайне скудно: в них нет ни знаменитого зарайского бизона (в 2013 г. украсившего каталог выставки первобытного искусства в Британском музее); ни античной Фанагории (вошедшей в десятки мировых сенсаций археологии 2012 г.); ни Новгородской Псалтири (древнейшей русской книги и археологической сенсации 2000 г.). Во многих учебниках не было современных данных о времени появления человека на территории России. Будем надеяться, что создание нового образовательного стандарта по истории, организованное Российским историческим обществом, и вероятное введение этой дисциплины в круг обязательных, позволит, наконец, восполнить досадные пробелы.

Понятно, что все это – не узко профессиональные вопросы, а часть серьезной проблемы, самым острым образом стоящей перед народами современной России, стремящимися понять, куда они идут и откуда взялись. В стране присутствует запрос на концептуальные исторические сочинения, разработку новых обобщающих версий истории государства и раскрытия истоков культурного своеобразия. Археология в последние десятилетия сохраняла известную отстраненность от этих мегапроектов, полагая, что результатом археологических исследований должна быть некая сумма фактов, и этим ограничиваясь. Очевидно, что такая позиция создает большие риски: задачу исторического осмысления археологических материалов берут на себя представители других наук (историки, генетики, лингвисты), а во многих случаях – откровенные дилетанты.

В археологии, таким образом, отражаются глубокие сдвиги, наметившиеся в общественном сознании, и они уже материализованы в практике, законодательной деятельности, культуре. По сути, это и есть ключевое слово: современное общество воспринимает археологию не только как науку, но как весомую часть мировой культуры. Такой подход нов только отчасти – за ним значительная культурная традиция антикваризма эпохи Просвещения, уходящая в XIX, XVIII, XVII вв. и глубже, к началу Возрождения. Для выстраивания позиции археологии в обществе подобный возврат может показаться выигрышным, и, действительно, он несет несомненные преимущества: на этом пути археология все теснее сплетается с историей (особенно с ее вспомогательными дисциплинами), включает все больше элементов

этнологии. Но такой (пусть частичный) регресс несет угрозу, он может крайне отрицательно отразиться на строгости полевой методики и, что не менее важно, на интерпретационной аналитике и самосознании науки. От этой угрозы только отчасти спасает развитие общей для всей археологии тенденции – привлечения естественно-научных методов, поскольку они грозят представить задачи археолога как простое извлечение материалов для дальнейших анализов недоступными ему методами. Так или иначе, многие конкретные проекты сложно называть просто мультидисциплинарными – в недалеком будущем следует ожидать слияния всех привлекаемых дисциплин в новое синтетическое направление, где генетический анализ неразрывно сплетен с архивным поиском, фотограмметрия – с типологическим анализом артефактов, генеалогия – с эпиграфикой и антропологией и т.д.

Этим определен успех одного из интереснейших шагов расширения сферы археологии в России до рамок отрасли культуры: резкий (не менее чем на 200–300 лет) сдвиг ее хронологической границы в сторону омоложения. То, о чем мы говорили на круглых столах начиная с конца прошлого века (при этом сами себе не очень доверяя), сегодня обрело форму закона и нуждается в разработке особых комплексных методик и поиске организационных форм. В целом это отвечает общемировой тенденции, но для стран, формирование которых совпадает с эпохой Великих географических открытий и Ренессанса, такой сдвиг особенно важен. Именно в конце Средневековья и в начале Нового времени подспудные, копившиеся тысячелетиями тенденции развития отдаленных частей мира выходят на поверхность и обретают геополитическое и цивилизационное измерения. Недаром на XV в. приходится и падение Константинополя, и плавание Колумба, и не менее значительное для русской истории событие – включение Московии в сеть ренессансных технологий, строительства и оформления государственного быта.

Это не значит, что тысячелетние тенденции развития, обретшие историческую форму в XV–XVIII вв., только с этого времени и существуют. Они берут свои истоки в глубокой древности. Чтобы понять нашу сегодняшнюю страну, нужно углубиться, в том числе в доисторическое прошлое и обратить внимание на объективно существующие географические факторы, например, на температурные изобары в этой части Евразии. Одно это покажет, что российские территории не занимают случайного места на карте мира.

Правда, разнообразие природно-климатических условий и древних культурных традиций в географических пределах современной России таково, что общие наблюдения над предысторией и ранней историей, которые можно было бы распространить на все ее пространство, выглядят объективно невозможными. Тем не менее мы знаем, что это географическое пространство обладает рядом общих свойств, обеспечивших сложение такого культурного мета-единства, как Россия. Во всяком случае, эту гипотезу необходимо учитывать при историко-культурном анализе.

Рискнем сформулировать ряд тезисов, принципиально важных для нашего исторического самосознания: территория современной России – пространство с *протяженной историей*, в котором происходило формирование, в эпоху палеолита, одного из первых видов современного человека, а начиная с неолита и вплоть до Средневековья – многих великих и малых культур; освоение человеком, обустройство его для жизни, уже в силу природных условий, во все исторические периоды требовало исключительных усилий и формировало особые свойства характера, в значительной степени направленные на физическое выживание; оно лежало за пределами основных очагов (и даже периферии) древнейших цивилизаций, но тем не менее испытывало их влияния, временами достаточно мощные; значительная его часть долго оставалась трудно достижимой для человека, однако в ряде исторических эпох она служила мостом между Западом и Востоком, Югом и Севером, важным каналом распространения культурных достижений и технологических инноваций (в эпоху бронзы и раннего железного века – распространение новаций народов “степного коридора”, как поясом стянувшего юг и восток будущей России, обеспечившее становление Древнерусского государства, движение в меридиональном направлении по водным путям Волги и Днепра).

Эти простые положения базируются на археологических материалах, и они не менее значимы для основ нашего исторического мировидения, чем память о событиях Новой и Новейшей истории страны.

Археология, безусловно, раскрывает сложность культурного фундамента, на котором сформировалась историческая Россия. Далеко не все древние культуры могут быть соотнесены с известными нам этническими общностями и населяющими страну современными народами – многие принадлежат исчезнувшим этническим группам, не оставившим прямых потомков. Однако все культурные достижения древности так или иначе на-

следовались, передавались, в конечном итоге были восприняты нашей культурой, и археология фиксирует процессы передачи. Сложность культурного наследия России, причастность разных культур к ее ранней истории в полной мере осознавали археологи дореволюционной России, окружавшие их деятели культуры и представители политической элиты. Приведем наглядный пример. Декор резной рамы картины И.Е. Репина “Прием волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве” (1886) составлен по археологическим мотивам. Это композиция на основе художественной пластики древности и средневековья, в составе которой безошибочно узнаются мерянские наборные подвески-коньки, скандинавские овальные фибулы, фигуры фантастических существ с обкладки турьего рога из Черной Могилы, картина полета Александра Македонского на грифонах, наконец, сцены терзаний оленей грифонами (восходят к образам скифского искусства). Рама, таким образом, демонстрирует разнообразие известных археологии к 1886 г. стилей и культур, мозаику древних культурных традиций. Эти образы использованы как драгоценная историческая оправа, вместившая императора и народных представителей. Любопытно, что неизвестный нам резчик при обращении к археологическим мотивам отдал предпочтение не образам древнерусского христианского искусства или растительной орнаментики XI–XII вв., которые историзм в 1880-е годы уже хорошо освоил, а менее известным, мало “цитируемым” памятникам.

Все это не значит, конечно, что археология должна быть политизирована, но ее достижения нужно полноценно использовать для современного осмысления мирового исторического процесса и глобальных исторических трансформаций, определения места в них России.

Итак, понятием “археология” описывается не только одна из наук, но и заметная часть мировой культуры. Поэтому будущее археологии в немалой степени зависит от того, в какой мере и каким образом мы сможем включить археологические древности в современную культурную среду, сделать древние памятники узнаваемыми объектами, научная ценность которых осознается современным обществом.

Ведь общество воспринимает археологические объекты не только как научные источники. Предъявляются права владения на них как на общее наследие, внеположенное по отношению к науке, открывающее возможность приобщения к прошлому без посредничества ученых. Реальности нашего времени, с одной стороны, – новая волна

археологического антикваризма, когда физический контакт с древностями оказывается более сильной потребностью, чем запрос на научное знание, а с другой – стремление присвоить право на прошлое как таковое, произвольно трактовать и использовать его.

В этой ситуации исключительно важно, чтобы проводниками в прошлое остались ученые, предлагая свои подходы к включению древностей в современный культурный контекст. Один из путей – расширение сети археологических музеев под открытым небом, превращение исследованных памятников в объекты музейного показа. В условиях растущей пространственной мобильности человека, интереса к истокам культурного своеобразия и этнике, стремления иметь собственные впечатления о местах, связанных со значимыми событиями прошлого, запрос на такие музеи очевиден. Понятно, что в России устройство музеев под открытым небом сложнее, чем, скажем, в странах Западной Европы и Средиземноморья, в силу характера памятников, на которых обычно невозможно, из-за особенностей климата и отсутствия каменных кладок, демонстрировать открытые раскопы. Тем не менее их организация продвигается. За период между съездами создан федеральный музей-заповедник Фанагория; статус археологического заповедника получило Рюриково Городище (его территория передана Новгородскому музею), создан подземный музей в Москве (в Зачатьевском монастыре, где впервые в практике воссоздания монастырских комплексов под современными постройками для обозрения открыты подлинные остатки древних храмов и некрополя).

Впечатляющие достижения в этой сфере мы видим в Татарстане, где заново обустроена территория заповедника в Болгарах, превратившегося в один из самых посещаемых археологических музеев, и начато создание экспозиции с деревянными усадьбами XVII в. в Свияжске. Стоит отметить, что, к сожалению, средневековые деревянные постройки не музейфицированы пока ни в одном из городов российского Северо-Запада, где подобные памятники исследуются уже многие десятилетия.

Однако сделанного совершенно не достаточно в условиях, когда современная застройка наступает на исторические ландшафты. Для демонстрации древностей и обеспечения твердой гарантии их сохранности необходимо создание археологических парков, физическое сохранение видимых в современном ландшафте археологических объектов. Речь должна идти не столько о создании новых музеев, сколько о передаче на баланс существующих музеев объектов, имеющих экспозиционный потенциал. В центре Европейской России, в историческом ядре Северо-Восточной Руси таких объектов предостаточно, а целый ряд знаковых археологических ландшафтов находится на грани уничтожения. Среди них, например, городище Клещин на Плещеевом озере, место древнейшего Переяславля, где коттеджная застройка вплотную придвинулась к площадкам городищ и уже частично распространилась на примыкающие к ним селища-посады.

Завершая эти тезисы, надеемся, что некоторые положения окажутся полезными для развития археологии в современной России. Не следует забывать, что многие подходы к изучению прошлого, сегодня – очевидные, вечные, еще в начале XX в. нуждались если не в оправдании, то, по крайней мере, в методическом обосновании. Так, вводные лекции В.О. Ключевского к его знаменитому “Курсу русской истории” 1900-х годов посвящены возможности существования и методическим особенностям местной истории. Парадоксально, но таким подходом было само изучение истории России как особой дисциплины, выделенной из общемирового исторического процесса. Вполне вероятно, что и нам следует поставить перед собой задачу изучения России как единого археологического пространства, а не бесчисленных серий дискретных, не связанных друг с другом явлений прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Энговатова А.В. Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН) // РА. 2012. № 4. С. 141–150.

ARCHAEOLOGY IN MODERN RUSSIA: PERSPECTIVES AND TASKS

Nikolay A. Makarov, Leonid A. Belayev, Asya V. Engovatova

Institute of Archaeology RAS, Moscow
(*nmakarov10@yandex.ru, labeliaev@bk.ru, engov@mail.ru*)

The article has been written in accordance with the thesis made at the 4th All-Russian Archaeological Congress in Kazan. It contains the analysis of the condition of archaeological researches in Russia made recently including the fundamental science and preservation works. New achievements in the field of legislation of the cultural heritage conservation, which allow reinforcing the campaign against illegal excavations and trading antiquities, are characterized. The problem of the society's request for taking part in studying of the archaeological heritage, the inevitability of the complexity of the contacts between the archaeology and modern culture are discussed. The task of the archaeological study of the modern Russia territory as a region of strong geographical diversity is formulated.

Key words: archaeology of Russia, the dynamics of field researches, the problems of commercialization, the right for the past, archaeology and the past.

REFERENCES

Engovatova A.V., 2012. Spasatel'naya arkheologiya v Rossii: (k 40-letiyu otdela okhrannykh raskopok Instituta arkheologii RAN) [Rescue archaeology in Russia: (on the 40th anniversary of the Department of Rescue Excavations of the Institute of Archaeology RAS)]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 4, pp. 141–150.